

Анри Пирен

ИМПЕРИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО И АРАБСКИЙ

халифат

Арабские завоевания,
потрясшие Европу и Азию,
отрезали Восток от Запада.
Средиземноморское единство
было нарушено окончательно
и бесповоротно.

محمد

Конец
античного мира

Анри Пирен

**Империя Карла Великого
и Арабский халифат**

«Центрполиграф»

2011

Пирен А.

Империя Карла Великого и Арабский халифат / А. Пирен —
«Центрполиграф», 2011

Исследование известного бельгийского историка Анри Пирена посвящено истории Западной Европы, тому влиянию, которое оказало на ее развитие вторжение варваров в пределы Римской империи, а затем завоевание арабами-магометанами части этой территории и включение ее в состав Арабского халифата. Автор отмечает, что вторжение германцев не нарушило средиземноморского единства античного мира. Разрыв с античной традицией произошел позже, и причиной послужило быстрое распространение ислама в результате вторжения арабов-магометан. В итоге Восток был окончательно отделен от Запада и средиземноморскому единству пришел конец. Упадок, в который погрузилась монархия Меровингов, привел к появлению династии Каролингов. Папа римский вступил в союз с новой династией, порвав с императором Византии, уже неспособным обеспечить Риму реальную защиту. Главенствующую роль в Европе стали играть церковь и феодалы. Европа явила миру свой новый лик. Начинались Средние века.

© Пирен А., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
1. «Романия»[1] до вторжений германцев	5
2. Вторжения варваров	7
3. Германцы в Романии	16
4. Германские государства на территории Западной Римской империи	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Пирен Анри

Империя Карла Великого и Арабский халифат. Конец античного мира

Часть первая

Западная Европа до вторжения арабов-магометан

Глава 1

Сохранение средиземноморской цивилизации в Западной Европе после вторжений германцев

1. «Романия»¹ до вторжений германцев

Из всех черт того замечательного, созданного людьми образования, коим была Римская империя, самой яркой и поразительной и в то же время наиболее важной была та, что империя эта носила в целом средиземноморский характер. И хотя на востоке она была греческой, а на западе латинской, именно ее расположение в Средиземноморском бассейне превращало все входящие в ее состав части в уникальное единое целое. Это внутреннее море, коим является Средиземное, полностью оправдывает используемый для него латинский термин «маре ностра» – «наше море»; именно благодаря ему шел активный обмен идеями, осуществлялось взаимодействие различных религий, бурно развивалась торговля².

Расположенные на севере империи провинции – Бельгия (Белгика), Британия, Германия, Реция, Норик, Паннония – служили лишь оплотом против вторжения варваров. Настоящая же жизнь была сконцентрирована и буквально бурлила на побережье этого уникального моря-озера. Не будь его, Рим не смог бы получать столь необходимое ему зерно из Северной Африки. Особенно важное значение средиземноморское судоходство приобрело после того, как было покончено с пиратами: ничто не мешало теперь получать полномасштабную выгоду от активного торгового обмена. Все торговые пути, проходившие по провинциям империи, неизбежно сходились в портовых городах. Последним действительно крупным городом на севере империи был Лион. Трир обязан своим влиянием лишь тому факту, что он выполнял функции временной столицы. Все же другие важные города – Карфаген, Александрия, Неаполь, Антиохия – были расположены либо непосредственно на море, либо неподалеку от него. Средиземноморский характер Романии стал наиболее ярко проявляться после IV в., поскольку новая столица империи, Константинополь, была прежде всего крупным прибрежным городом и морским портом. Константинополь оспаривал влияние у Рима, являвшегося ни много ни мало «городом потребления» благодаря тому, что в нем были расположены многочисленные ярмарки и рынки; Рим также был ремесленным центром и важной морской базой. Рост активности Востока шел одновременно с ростом его влияния; Сирия представляла собой конечную

¹ Термин «Романия» появился в IV в. и обозначал совокупность территорий, входивших в состав Римской империи.

² Именно благодаря Средиземному морю была фактически сохранена внутренняя целостность империи и удалось избежать двоевластия после окончания правления Феодосия I Великого.

точку империи, откуда продолжались каналы связи и торговые маршруты в Индию и Китай, а через Черное море поддерживалась связь с расположенными к северу от него районами.

Запад зависел от поставок Константинополем ремесленных товаров и предметов роскоши.

В империи не было деления по принадлежности к Азии, Африке или Европе. Даже при наличии разных цивилизаций у всех была единая, общая средиземно-морская основа. Мы можем обнаружить одни и те же порядки, правила, манеры и привычки, одни и те же вероисповедания на различных частях средиземноморского побережья, где ранее уже существовали такие известные цивилизации, как древнеегипетская, тирская и карфагенская.

Торговое судоходство в Средиземноморском бассейне было сконцентрировано в его восточной части³.

Сирийцы, или те, кого таковыми считали, были ведущими мореплавателями и торговцами в Восточном Средиземноморье. Именно благодаря им такие товары, как папирус, специи, слоновая кость и изделия из нее, а также изысканные дорогие вина попадали даже в самые отдаленные места, например Британию. Из Египта везли дорогие тончайшие ткани. Сирийские землячества-колонии можно было встретить по всему Средиземноморью, а половину населения такого порта, как Марсель, составляли греки.

Кроме сирийцев во всех средиземноморских городах можно было встретить и евреев, которые также селились там небольшими общинами. Они были мореплавателями, торговыми посредниками, банкирами (ростовщиками и менялами), и их влияние в экономической жизни было в то время так же велико, как влияние Востока в искусстве и религии. Так, именно с Востока прибыли на Запад по морю аскеты; таким же путем пришли с Востока христианство и традиция носить митру – богато украшенный головной убор, надеваемый во время богослужения представителями высшего православного духовенства и некоторыми заслуженными священниками.

Невозможно представить себе Рим без Остии – базы римского флота и главной гавани города в устье Тибра. А расположенная в противоположной части Италии Равенна стала императорской резиденцией в качестве *заморской западной резиденции* — это свидетельствует о том, каким влиянием и уважением пользовался Константинополь и какой притягательной силой он являлся.

Благодаря Средиземноморью Римская империя обладала вполне реальной и осязаемой экономической целостностью. На всей ее обширной территории взимались пошлины и налоги, но не было никаких таможен. Также по всей территории имела активное хождение общая денежная единица – солид; эта введенная при императоре Константине золотая монета содержала 4,55 г чистого золота.

Известно, что со времени правления императора Диоклетиана в империи наблюдался общий экономический упадок. Однако похоже, в IV в. экономическая жизнь восстановилась и денежное обращение значительно активизировалось.

Длительное время для обеспечения безопасности границ империи было достаточно держать легионы на границе Сахары, на Евфрате, Дунае и Рейне. Однако «вода» за пределами этой «защитной дамбы» все прибывала и становилась более и более бурной. В III в., отчасти из-за внутренних волнений и конфликтов в империи, в этой «дамбе» появились сначала трещины, а потом и целые бреши. Со всех сторон в пределы империи буквально хлынули франки, алеманны и готы, которые разграбили Галлию, Рецию, Паннонию и Фракию и даже достигли пределов Испании.

³ Ряд исследователей подчеркивает, что преобладающее влияние Востока все более обнаруживалось начиная уже с III в. Это положило начало процессу разделения между Востоком и Западом, который был окончательно завершен в результате нашествий арабов-магометан.

Правители Иллирии отразили эти нападения, и граница была восстановлена. Но прежних укреплений и сил было уже недостаточно, чтобы обеспечить безопасность границы с германской стороны. Необходимы были серьезные дополнительные мероприятия по укреплению обороноспособности империи. Города, удаленные от границы, были дополнительно укреплены; главные центры империи, Рим и Константинополь, представляли собой теперь образцовые крепости.

Более уже не стоял вопрос о том, допустить или нет варваров в пределы империи. Население ее сокращалось; солдат превратился в наемника. Варвары были необходимы и как наемники в римские легионы, и как сельскохозяйственная рабочая сила. Тем более что они сами добивались разрешения поступить на службу к Риму. Таким образом, пограничные районы империи теперь в основном были заселены германцами; но преобладание германской крови не привело к утрате римского влияния, поскольку все, кто вступил в пределы империи, довольно быстро романизовались⁴.

Все германцы, переселившиеся в пределы Римской империи, как раз и хотели поступить на римскую службу, которая сулила блага и богатые возможности. Они относились к Риму с теми почтением и уважением, с которыми варвар относится к цивилизованным людям. Очень быстро они переняли язык и вероисповедание, распространенные в новом месте их проживания; они приняли христианство, отказавшись от своих прежних верований, стали посещать те же храмы, что и местное население; постепенно латынь и христианство стали для них родными, и они практически слились с общей массой населения империи.

Вскоре почти вся римская армия состояла уже из варваров, а многие из них, в том числе вандал Стилихон, гот Гайна и свев Рикимер, прославились на римской военной службе⁵.

2. Вторжения варваров

Известно, что в течение V в. западные территории Римской империи были захвачены племенами варваров-германцев.

Это был уже не первый случай нападения германцев на римскую территорию. Подобная угроза существовала давно, и именно поэтому были воздвигнуты пограничные укрепления на Рейне и Дунае, где в то время проходила граница Римской империи. До III в. этого было достаточно; однако после первой мощной атаки варваров стало ясно, что спокойные времена прошли и чувствовать себя за действующими пограничными укреплениями так же комфортно, как и прежде, больше не удастся. Пришлось признать, что следует перейти к долгосрочной обороне, а для этого реформировать армию: сократить ее численность, сделав при этом более боеспособной и мобильной. В конце концов практически вся римская армия вскоре состояла из наемников-варваров. Благодаря принятым мерам Римская империя смогла защищать себя еще в течение двухсот лет.

Почему же в итоге она все же потерпела неудачу?

Ведь у нее были крепости, против которых варвары были бессильны; действующие стратегические маршруты продвижения войск, военное искусство, имевшее многовековые традиции, совершенная дипломатия, которая знала, как разделить врагов империи и использовать противоречия между ними, а также как подкупить их, – и это было важнейшим фактором обеспечения обороны империи; к тому же враги империи, вторгавшиеся в ее пределы, не могли договориться между собой. Наконец, в распоряжении Римской империи было Средиземное

⁴ Тем не менее согласно закону, принятому императорами Валентинианом и Валентом в 370 или 375 г., запрещались браки между римлянами и варварами; нарушение этого закона каралось смертной казнью.

⁵ Даже во времена правления Феодосия I Великого франка Арбогаста называли «военачальником» и «образцом для солдат».

море; ниже мы увидим, какие огромные и важные преимущества это ей давало вплоть до того момента, когда вандалы захватили Карфаген и укрепились там.

Я понимаю, конечно, что у римлян не было такого преимущества в вооружении по сравнению с варварами, какое имеют сегодня развитые страны по сравнению с отсталыми; однако римляне обладали внушительным превосходством благодаря тому, что у варваров не было тылового обеспечения и интендантской службы, как и настоящей воинской дисциплины. Конечно, варвары обладали численным превосходством, но они не знали, как снабдить всю эту «ораву» необходимой провизией. Подумайте только, ведь вестготы умирали от голода в Аквитании, хотя уже и обжились там; то же самое произошло с соплеменниками Алариха в Италии!

Несмотря на вышеупомянутые преимущества, против империи играл тот факт, что римлянам приходилось держать войска на границах своих владений в Африке и Азии, в то время как их враги бросили им вызов в Европе. Также ослабляли империю внутренние неурядицы и конфликты; многие появившиеся узурпаторы, без сомнения, заключали сделки с варварами; немалый вред наносили и придворные интриги, в частности, Руфиний выступил против Стихихона. При этом население империи было пассивно в плане борьбы против варваров и не проявляло никакого гражданского духа в противодействии им; фактически оно оказалось неспособным к какому-либо сопротивлению и хотя в душе презирало варваров, но в то же время было готово смириться с их владычеством. Таким образом, рассчитывать при обороне империи на моральный дух ее подданных не приходилось; это касалось как армии, так и тыла. К счастью для империи, моральный дух ее противников тоже оставлял желать лучшего. У германцев не было никаких причин враждебно относиться к Римской империи: ни расовых, ни религиозных, ни политических. У германцев не просто не было ненависти к империи; они еще и преклонялись перед ней и восхищались ею. Все, чего они хотели, – это осесть в империи и пользоваться ее достижениями. Не было и тени тех противоречий, которые имели место позднее между арабами-магометанами и христианами. Язычество варваров не вызывало у них ненависти к богам, в которых верили римляне; у них также не возникало враждебности по отношению к единобожию, которого придерживались христиане. Около середины IV в. гот Ульфила, принявший в Византии христианство в форме арианства и ставший первым избранным готским епископом, перевел Библию с греческого на готский, проповедовал и распространял новое вероисповедание среди своих соплеменников, живших вдоль Днепра, а те, в свою очередь, распространили его далее среди германцев, вандалов и бургундов. Готы, выражаясь словами Сальвиана, были «еретиками по неведению» (католическая церковь объявила арианство ересью), однако их христианская вера еще более сблизилась их с римлянами.

С другой стороны, жившие в восточных районах германцы уже имели опыт контакта с цивилизацией и усвоения некоторых ее достижений. Поселившись на побережье Черного моря, они общались с жившими в Крыму греками и сарматами и через них ознакомились с восточной и греческой культурой. В частности, они овладели искусством производства тонко выполненных ювелирных изделий с ярким, оригинальным узором; позднее эти изделия пользовались популярностью по всей Европе, а стиль их изготовления стали называть *варварским* или *скифским*.

Германцы по морю доходили до Босфора, где 11 мая 330 г. стал столицей империи великий город Константинополь, построенный на месте греческой колонии Византий. Именно из Константинополя к германцам пришло христианство; и вряд ли стоит сомневаться в том, что донесший его до своих соплеменников Ульфила был далеко не единственным, на кого произвело столь сильное впечатление великолепие новой столицы империи. Они были обречены подпасть под очарование этого великого города, влияние которого, естественно, должно было распространиться далеко за пределы черноморского побережья, и это воздействие вполне ощутили на себе варяги некоторое время спустя.

Варвары не вдруг напали на Римскую империю. Они были вытеснены туда мощным нашествием гуннов; именно это нашествие и стало причиной ряда вторжений варваров в пределы империи. Впервые Европа ощутила, как через Сарматскую долину (как называли тогда Северное Причерноморье) до нее докатились отклики тех столкновений и конфликтов, которые происходили в столь, казалось бы, отдаленных районах Азии.

Итак, пришествие гуннов подтолкнуло готов к нападению на Римскую империю. Манера боевых действий гуннов, возможно, сам внешний облик этих кочевников, наводивший ужас на оседлые племена и народы, делали их почти непобедимыми.

Разбитые гуннами остготы ушли в Паннонию, а вестготы перешли Дунай. Произошло это осенью 376 г. Римлянам пришлось пропустить их. Сколько их было? По мнению Л. Шмидта, готов было 40 тыс. человек, включая 8 тыс. воинов.

Границу перешел практически целый народ во главе со своими вождями. Римский император дал на это согласие при условии выполнения ими обязательств союзников, или федератов (от *лат.* «федере» – договор, союз): они должны были предоставлять солдат для римской армии.

Возникла совершенно новая ситуация, и это имело огромное значение. Остготы вошли на территорию империи как чужеземная, инородная этническая группа, сохранявшая свои законы, организацию, уклад жизни и известную обособленность внутри империи. Причем это была довольно сплоченная этническая группа, а не просто рыхлое и аморфное объединение разрозненных племен. Условия их пребывания на территории империи были выработаны в спешке: им не предоставили какой-то определенной территории для проживания, и, оказавшись в неплодородной, практически голой гористой местности, готы в 377 г. подняли восстание. Они добивались выхода к Средиземному морю и начали свое продвижение в этом направлении.

9 августа 378 г. готы разгромили римскую армию под Андрианополем; возглавлявший ее император Валент был убит. Была разграблена практически вся Фракия, за исключением городов, которые варвары не смогли взять. Готы дошли до Константинополя, который оказал им сопротивление, как позднее арабам.

Однако германцы смогли утвердиться на побережье и без покорения Константинополя, взяв таким образом под контроль жизненно важный район, являвшийся центром империи. Но они были выбиты оттуда в 378 г. войсками полководца Феодосия, ставшего в следующем году императором. Одержав победу над готами в 382 г., Феодосий вынудил их поселиться в провинции Мезия. Они по-прежнему оставались сплоченной этнической группой; постоянным местом жительства для них была определена Фракия, они сохранили свои законы, управлялись своими вождями, были свободны от налогов, но должны были поставлять империи войска в качестве федератов. В ходе войны власть вождей была заменена на королевскую, что объяснялось, безусловно, причинами военного характера; королем готов стал Аларих. Представляется вполне естественным, что он пожелал расширить занимаемую готами территорию и захватить маврикийский Константинополь. Однако мы не должны видеть за этим намерением, как это делает Л. Шмидт, ссылаясь на авторитетное мнение Исидора Севильского (!), стремление Алариха создать национальное германское государство на Востоке. Хотя количество варваров, находившихся под руководством Алариха, значительно возросло благодаря большому количеству вновь прибывших из-за Дуная, считать готов германцами можно было в значительно меньшей степени, чем раньше, поскольку они были сильно «разбавлены» примкнувшими к ним рабами и многочисленными искателями приключений, не имевшими к германцам никакого отношения.

Римская империя не предприняла в отношении готов каких-либо мер предосторожности, если не считать закон, принятый Валентинианом и Валентом и запрещающий под страхом смерти браки между варварами и римлянами. Однако, препятствуя таким образом ассими-

миляции готов, этот закон в то же время, очевидно, сохранял их этническую обособленность и сплоченность, они остались этнически консолидированным и политически самостоятельным целым, а это давало готам ощущение своей силы и подталкивало их к новым авантюрам против Рима.

Увидев, что путь свободен, готы опустошили территорию Греции, разграбили Афины и Пелопоннес. Стилихон перебросил войска с восточного направления и выбил готов в Эпир. Однако они продолжали оставаться в пределах империи, и император Аркадий разрешил им поселиться в Иллирии, по-прежнему в качестве федератов; а для того, чтобы сделать Алариха более подконтрольным и надежным союзником империи, ему была предоставлена должность *военного наместника Иллирии*. Таким образом, Константинополь был надежно защищен от готов, но теперь перед ними лежала не разграбленная пока еще Италия, и в 401 г. Аларих двинулся туда. Стилихон нанес готам поражение у Полленции, а затем у Вероны и в 402 г. отбросил их на прежние позиции. По мнению Л. Шмидта, Аларих вторгся в Италию, чтобы реализовать свои планы «завладеть миром». В таком случае следует признать, что 100 тыс. человек, находившихся под началом Алариха, по утверждению Шмидта, было достаточно, чтобы на месте Римской империи создать Германскую империю.

На самом деле Аларих был типичным кондотьером, то есть наемником, готовым ради выгоды на любое дело. О том, насколько он был лишен каких-либо моральных принципов и обязательств, говорит тот факт, что он по собственной инициативе продался Стилихону за 4 тыс. фунтов золота (1,3 т), чтобы совместно выступить против восточноримского императора Аркадия Флавия, на службе у которого он находился, заключив с ним уже упоминавшийся союзнический договор.

Алариху повезло. Заграждавший ему путь в Италию Стилихон был казнен в результате придворных интриг. Значительно пополнив ряды своей армии солдатами из войска Стилихона, Аларих в 408 г. вновь двинулся в Италию⁶.

Аларих был хорошим примером того, как варвар превратился в поднаторевшего в политических интригах римского военачальника. В 409 г., после того как император Гонорий отказался сотрудничать с ним, Аларих организовал провозглашение императором сенатора Аттала Приска, после чего последний назначил Алариха на высший военный пост – *особым военачальником при императорском дворе*. Затем, надеясь примириться с Гонорием, Аларих предал своего собственного ставленника. Но у Гонория не было ни малейшего желания становиться вторым Атталом. Тогда Аларих в 410 г. неожиданно подошел к Риму и захватил его. Город был разграблен, а покидая его, Аларих увел с собой сестру императора Галлу Плацидию. Собирался ли он вернуться и напасть на Равенну? Совсем напротив. Аларих направился в Южную Италию, которая не была еще разграблена, намереваясь переправиться в Африку – главную житницу Рима и самую процветающую западную провинцию империи. А по дороге его армия занималась грабежами, чтобы обеспечить себя продовольствием. Алариху не суждено было добраться до Африки; в конце 410 г. он умер. Он был похоронен возле Казенции, на дне реки Бузенто; его похороны напоминали похороны героев древних эпосов.

Сменивший Алариха на престоле его шурин Атаульф повернул обратно на север. После нескольких месяцев пути, сопровождавшегося грабежами, готы достигли Галлии, где власть захватил узурпатор Иовин. Атаульф во что бы то ни стало хотел получить от римского императора какую-нибудь должность. После ссоры короля готов с Иовином, который был убит в 413 г., и отказа Гонория отвечать на его предложения о сотрудничестве Атаульф в 414 г. женился в Нарбонне на красавице Галле Плацидии, став, таким образом, зятем римского императора.

⁶ Аларих, возможно, был бы и рад не предпринимать похода в глубь Италии и остаться там, где он находился. Но все дело в том, что он не мог этого сделать, поскольку для этого должен был получить официальное разрешение императора на поселение готов в Италии, а последний не собирался предоставлять им какой-либо итальянской территории для постоянного проживания. А с восточно-римской стороны готам также было отказано в постоянном проживании во Фракии.

Именно тогда он сделал свое знаменитое заявление об отношении к Римской империи, которое было записано испанским священником и писателем начала V в. Орозием⁷.

«Начать хочу с того, – сказал он, – что я страстно желал искоренить само слово «римский» и превратить Римскую империю в Готскую империю. *Романия*, как ее называют в народе, должна была бы стать *Готией*; Атаульф занял бы место римского императора. Однако многолетний опыт показал мне, что готы из-за своего варварства и неуправляемого, буйного характера не способны соблюдать законы. А без законов нет государства (*республики – где все делают общее дело на общее благо и где законы обязательны для всех*). Поэтому я решил приложить максимум усилий для возрождения славы Рима во всей ее полноте, чтобы сила готов укрепила и его силу. Я надеюсь остаться в памяти потомков как человек, восстановивший могущество Рима, а не как тот, кто его разрушил»⁸.

Это заявление было своего рода жестом доброй воли по отношению к Гонорию. Но римский император остался к нему столь же безучастен, как и до этого. Он не хотел вступать в какие-либо договорные отношения с германцем, который, как он опасался, мог попытаться, используя свой главный опорный пункт в Нарбонне, распространить свое влияние на все Средиземноморье и добиться там господствующего положения.

Тогда Атаульф, видя, что император не нисходит до него своим вниманием, вновь провозгласил западно-римским императором Аттала Приска, чтобы произвести в империи изменения, которые позволили бы ему найти в ней свое место.

Однако неудачливому готу пришлось сняться с места и продолжить свой поход, поскольку его подданные голодали. Так как войска Гонория заблокировали побережье, Атаульф направился в Испанию, надеясь, вероятно, переправиться в Африку. Но в 415 г. его настигла смерть – он был убит человеком из своего же собственного окружения, который настойчиво советовал его брату Валии сохранять верность Риму.

Обнаружив, что голод преследует его соплеменников и в Испании, поскольку порты были заблокированы, Валия попытался переправиться в Африку, но сильнейший шторм помешал ему это сделать. Западная империя в то время находилась в отчаянном положении. В 406 г. продолжавшие свое нашествие гунны вынудили вандалов, аланов, свевов и бургундов перейти через Рейн. После столкновений с франками и алеманнами те двинулись через Галлию на юг и достигли побережья Средиземного моря и Испании. Для того чтобы противостоять им, римский император обратился к Валии. В силу сложившихся обстоятельств тот вынужден был согласиться помочь империи; получив за это от Рима 600 тыс. мер зерна, он повернул назад на север Испании, чтобы остановить поток варваров, которые, так же как и вестготы, хотели добраться до Африки.

В 418 г. римский император разрешил вестготам поселиться в провинции Аквитания II (Аквитания Секунда) в качестве федератов, предоставив таким образом Валии, как до этого Алариху, титул союзника Рима.

Готы получили теперь возможность постоянно жить на территории между реками Луарой и Гаронной рядом с побережьем Атлантического океана. Они оказались отрезанными от средиземноморского побережья, которое уже было для них окончательно потеряно, но полу-

⁷ К. Зангмайстер и Л. Шмидт считают, что вестготам уже во время пребывания в Восточной империи якобы была присуща «национальная идея», которая нашла воплощение в «национальной правительственной программе Атаульфа», носившей антиримский характер. Е. Штайн, напротив, ничего не упоминает об этом и подчеркивает, что после женитьбы Атаульфа на Галле Плации его политика по отношению к Риму носила дружественный характер.

⁸ Л. Шмидт, безусловно, основывает свою точку зрения о «германизме» Атаульфа на приведенном выше заявлении. Однако, хотя тот и думал о том, чтобы заменить Римскую империю «Готской», он не собирался придавать этому государству германский характер; Атаульф всего лишь хотел, чтобы это была та же империя, но во главе которой стояли бы он и готы. Он отказался от этой идеи, когда понял, что готы не смогут жить по законам, то есть по римским законам. Тогда он решил поставить силы своего народа на службу Римской империи, что подтверждает отсутствие у него намерений уничтожить Романию.

чили наконец землю на территории империи для постоянного проживания, чего они всегда добивались⁹.

К варварам теперь относились так же, как и к римским войскам: они получили тыловое обеспечение и снабжались фуражом и продовольствием¹⁰.

С другой стороны, место для поселения готам выделили постоянное. Они не могли покинуть предоставленную им землю и жили в самой гуще римского населения. Король готов не имел власти над римлянами. Он был военачальником и повелителем своего народа, их королем. Но он был *королем готов*, а не *королем Аквитании*. Готы жили бок о бок с римлянами, и король должен был обеспечить их целостность и единство. Над королем готов стоял римский император, и для римского населения этот король германцев был всего лишь военачальником наемников, находившихся на службе империи, а предоставление готам места для постоянного проживания рассматривалось как проявление силы и мощи Рима.

В 417 г. Рутилий по-прежнему писал о вечном могуществе и процветании Рима¹¹.

Обретение вестготами статуса федератов и союзников империи, а также предоставление им права на постоянное поселение в Аквитании не привело к их успокоению и умиротворению. Двадцать лет спустя, воспользовавшись тем, что Стилихон отозвал римские легионы из Галлии для защиты Италии, а король вандалов Гейзерих с успехом завоевывал римские территории в Африке, вестготы напали на Нарбонн (437) и нанесли поражение римлянам под Тулузой (439). В результате готы добились нового договора с Римом, по которому они были уже не федератами, а практически получили от империи признание своей независимости.

Причина краха империи в Галлии состояла в том, что Гейзерих переправился в Африку и успешно завоевывал там римские провинции.

То, что не получилось у готов, удалось королю вандалов Гейзериху. В 427 г. он при помощи карфагенского флота пересек Гибралтар с 50-тысячным войском и высадился на африканском побережье. Для Римской империи это было решающим ударом. Как писал Сальвиан, была уничтожена основа могущества империи, ее душа. Когда в 439 г. Гейзерих захватил Карфаген – а это был оплот влияния в Западном Средиземноморье, – а вскоре после этого Сардинию, Корсику и Балеарские острова, позиции империи на западе были полностью подорваны. Римская империя потеряла Средиземноморье, которое до этого было важнейшим орудием ее обороны.

Снабжение Рима продовольствием оказалось под угрозой. Аналогичная ситуация сложилась и со снабжением армии; это стало главной причиной мятежа Одоакра. Море оказалось под контролем варваров. В 441 г. император направил экспедицию против вандалов, но она была безуспешной: варвары отразили ее, выставив против византийского флота карфагенские корабли. Императору Валентиниану пришлось признать в 442 г. контроль вандалов над богатейшими территориями Африки – Карфагеном, Бизаценой и Нумидией.

Но это перемирие было всего лишь временной передышкой.

Гейзериха считали гениальным человеком. Та выдающаяся роль, которую он сыграл в истории, объясняется, безусловно, теми позициями, которые ему удалось завоевать. Он добился успеха там, где потерпели неудачу Аларих и Валия. Он завладел самой процветающей частью империи и находился теперь в краю изобилия. Захватив крупнейший и важнейший

⁹ Сначала римские союзники были поселены в провинциях с неплодородными землями: вестготы – в Мезии, а затем в Аквитании II; бургунды – в Савойе, а остготы – в Паннонии. Нетрудно догадаться, что все они хотели поскорее покинуть эти провинции.

¹⁰ Принцип «трети», согласно которому варвары получали две трети пашни (треть оставалась римлянам), половину лесов и лугов и треть рабов на землях, предоставленных им для проживания на территории империи, был распространен на готов лишь позднее. Что же касается снабжения их продовольствием, то об этом можно подробно узнать в работах Е. Штайна.

¹¹ Ф. Лот, Фистер и Ганшоф отмечают, что после смерти Гонория, последовавшей в 423 г., Римская империя восстановила свою власть в Африке, Италии, Галлии и Испании.

порт, каковым являлся Карфаген, он отныне мог спокойно и с большой выгодой предпринимать пиратские вылазки. Он мог угрожать как Западу, так и Востоку и чувствовал себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов империи, а имперские должности и титулы его не интересовали – он хотел не служить империи, а диктовать ей свои условия.

Почему же империя была столь пассивна после заключения перемирия в 442 г.? Ответ прост: причиной тому было нашествие гуннов.

В 447 г. Атила, вторгнувшись в пределы империи с берегов Тисы, разграбил Мезию и Фракию, дойдя до Фермопил. Затем он повернул на запад, прошел через Галлию, весной 451 г. пересек Рейн и разграбил и разорил по пути следования всю территорию вплоть до Луары.

Римский полководец Аэций при поддержке германцев, франков, бургундов и вестготов, проявивших себя как надежные союзники, преградил гуннам путь. Решающая битва произошла на Каталаунских полях (при Мауриаке близ Труа). Военное искусство римлян и доблесть и отвага германцев образовали то непреодолимое препятствие, о которое разбилась волна гуннского нашествия. Король вестготов Теодорих I, пытавшийся выступить в роли спасителя империи, к чему ранее так стремился Атаульф, был убит. После смерти Атилы, последовавшей в 453 г., основанная на его завоеваниях гуннская держава рухнула. Ее основание оказалось шатким и ненадежным, а Западная Европа была таким образом спасена от вариации монгольского нашествия. Теперь империя занялась Гейзерихом. Он представлял для нее главную проблему с учетом той угрозы, которая от него исходила, и был, так сказать, первым на очереди.

В 455 г. Гейзерих воспользовался убийством императора Валентиниана III и расторг договор 442 г., чтобы окончательно развязать себе руки. Он не признал нового императора Петрония Максима, тем более что последний выдал дочь Валентиниана III Евдокию, которая в 446 г. была обручена с сыном Гейзериха Хунерихом, за своего сына, и в июне 455 г. прибыл со своим флотом в гавань Порт в устье Тибра. В Риме началась паника, Петроний Максим погиб. После двухнедельного разграбления города Гейзер их с войсками ушел из Рима, уведя с собой вдову Валентиниана III Евдокию и его дочерей Евдокию, которую он тут же выдал за своего сына Хунериха (ей удалось бежать в Иерусалим лишь в 472 г.), и Галлу Плацидию. Он также забрал с собой тысячи пленных римских ремесленников.

Аналогичным образом порвал отношения с империей и король вестготов Теодорих II (правивший с 453 по 466 г.); он поддержал назначение императором Авита, который в 439–446 гг. служил наместником в Галлии в должности префекта претория (высшая инстанция гражданского управления после императора) и уже тогда был близок ко двору короля вестготов Теодориха I. Получив приказание от Авита направиться в Испанию для борьбы со свевами, Теодорих II немедленно двинулся к средиземноморскому побережью. Авит потерпел поражение от главного военачальника Западной империи Рикимера и был взят им в плен; впоследствии он стал епископом. Но вестготы продолжали свой поход. В это же время бургунды, которые были побеждены Аэцием и в 443 г. отправлены на постоянное поселение в Савойю¹², в 457 г. захватили Лион.

С этой новой угрозой в лице бургундов пришлось разбираться только что взошедшему на императорский трон Майориану. В 458 г. он вернул империи контроль над Лионом, а затем спешно выступил против Гейзериха. В 460 г. Майориан пересек Пиренеи, чтобы переправиться через Гибралтар в Африку, однако в 461 г. он был убит в Испании.

Сразу после его гибели бургунды вновь захватили Лион и заняли всю долину Роны вплоть до Прованса.

¹² Их поселили в Савойе на основе уже упоминавшегося принципа «римской трети» – они получали две трети пашни на новом месте, половину лесов и лугов и треть рабов. Брюннер подчеркивает в своем исследовании, что к бургундам относились как к побежденному народу. Поскольку на аналогичных условиях поселяли на территории империи вестготов и остготов, можно предположить, что принцип «трети» был предложен самими римлянами.

Теодорих II продолжал свои захваты. Он не сумел взять Арль, и благодаря защитникам города, отстоявшим его, был спасен Прованс. Но в 462 г. вестготы взяли Нарбонн. Сменивший его на троне Эйрих (правивший с 466 по 484 г.) напал в Испании на свевов, оттеснил их в Галисию и установил контроль над всем Пиренейским полуостровом. В это же время византийский флот во главе с Василиском в ряде сражений разбил вандалский флот и стоял у мыса Меркурия (Кейп-Бон) в 60 км от Карфагена. Гейзерих, договорившись с Василиском о перемирии, по окончании переговоров неожиданно напал на византийский флот: брандеры (корабли, нагруженные горючими и взрывчатыми веществами, применявшиеся во времена парусного флота для поджога неприятельских судов) уничтожили большую часть византийских кораблей, а оставшиеся отошли к Сицилии. Партия, таким образом, была проиграна; Гейзерих одержал очередную победу над империей.

Для успешного противостояния своим врагам империи во что бы то ни стало нужно было вернуть контроль над морем. В 468 г. восточно-римский император Лев I провел подготовку невиданной по масштабам экспедиции в Африку; как считают, он потратил на это 9 млн солидов, снарядив 1100 кораблей.

А в Равенне император Западной Римской империи Анфимий оказался фактически заложником в руках главного военачальника Западной империи Рикимера и ничего не мог предпринять. Все, что он сумел сделать, – так это оттянуть путем переговоров (поскольку у него больше не было флота) захват Прованса, на который нацелились вестготы Эйриха. Последний уже установил контроль над Испанией и Галлией, границу своих владений в которой он довел в 469 г. вплоть до Луары.

После отстранения от власти последнего западно-римского императора Ромула Августула вестготы в 476 г. захватили Прованс; с этого момента Западное Средиземноморье было потеряно для империи.

Рассмотрев все аспекты данного вопроса, можно лишь удивляться тому, как империя смогла продержаться столь долго, и одновременно восхищаться теми упорством и стойкостью, с которыми она преодолевала невзгоды судьбы. А император Майориан, отобравший у бургундов Лион и предпринявший поход в Испанию против Гейзериха, заслуживает восхищения и самых лестных оценок. Увы, в своей обороне Римская империя могла рассчитывать только на союзников, которые постоянно предавали ее, как это было с вестготами и бургундами, а также на войска наемников, хранивших верность империи, так сказать, лишь до первой неудачи. К тому же сказались трудности со снабжением армии вследствие захвата вандалами африканских провинций и островов на Средиземном море.

На Востоке империя была беззащитна против угрозы нападения вдоль всей границы по Дунаю. Восточная Римская империя сумела выступить лишь против Гейзериха. Безусловно, если бы варвары хотели уничтожить империю, им для этого потребовалось бы всего лишь договориться между собой, после чего успех был им практически гарантирован¹³. Но в том-то и дело, что они не хотели ее уничтожать.

Императоры, восходившие на трон Западной Римской империи после гибели в 461 г. Майориана, представляли собой жалкое зрелище; они были полностью под властью военачальников-варваров, возглавлявших войска из своих соплеменников. До своей смерти в 472 г. высшим военачальником Западной империи был свев Рикимер, затем его сменил бургунд Гундобад. Когда Гундобад покинул Равенну, чтобы завладеть престолом в Бургундском королевстве, главным военачальником стал Орест, по происхождению гунн. Он отстранил от власти императора Юлия Непота, присланного из Византии, и возвел на престол своего собственного сына Ромула Августула.

¹³ Коль скоро этого не произошло, следует признать неточным утверждение JL Гальфена о «методических» усилиях варваров в этом направлении.

Но когда Орест отказался раздать землю солдатам¹⁴, они убили его, а их командир Одоакр¹⁵ был провозглашен войсками королем. Против него выступил только сын Ореста Ромул Августул; Одоакр сослал его в том же году в Лукулланский замок в Мессине (провинция Кампания).

Император Восточной империи Зенон пошел даже на то, что присвоил Одоакру статус патриция. Фактически от этого ничего не изменилось: Одоакр продолжал занимать пост на императорской службе, как и раньше.

В 488 г., стремясь удалить остготов из Паннонии, где они представляли угрозу для империи¹⁶, Зенон направил их на завоевание Италии, предоставив их королю Теодориху статус патриция и натравив, таким образом, одних германцев на других. В 489 г. произошло сражение у Вероны, в 490 г. – у Адды, и, наконец, в 493 г. Одоакр был взят в плен и казнен в Равенне. Теодорих был уполномочен Зеноном управлять Италией, оставаясь при этом королем своего народа, который получил право поселиться в Италии на условиях «римской трети». После этого на Западе не было своей императорской власти (за исключением короткого периода в VI в.) до правления Карла Великого. Вся западная часть империи теперь представляла собой мозаику из варварских королевств: остготского в Италии, вандальского в Африке, свевского в Галисии, вестготского в Испании и к югу от Луары и бургундского в долине Роны. Небольшая часть Северной Галлии, находившаяся под контролем последнего галльского наместника империи Сиагрия, была завоевана Хлодвигом в 486 г. Хлодвиг покорил алеманнов, живших в долине Рейна, и вынудил вестготов уйти из Южной Галлии в Испанию. Наконец, англосаксы установили контроль над Британией. Таким образом, к началу VI в. на территории, составлявшей западную часть Римской империи, не осталось ни пяди земли, непосредственно подчиненной императору, где управлял бы назначенный им человек. На первый взгляд казалось, что это катастрофа, причем настолько серьезная, что впору было считать отстранение от власти Ромула Августула началом второго акта мировой драмы (первым по важности было само создание Римской империи). Но по здравом размышлении становится ясно, что это событие было не таким уж и важным.

Император по-прежнему обладал законной властью. Он не утратил ее ни на йоту. Союзники империи как были «якобы союзниками», так таковыми и остались – полагаться на них всерьез не приходилось, как и раньше. А те, кто вновь пришел к власти, не подвергали сомнению приоритет императорской власти.

Власть императора не признавали только англосаксы. Для остальных он был по-прежнему полноправным верховным правителем. Теодорих правил от его имени. Бургундский король Сигизмунд писал императору в 516–518 гг.: «Всегда преданный Вам вместе с моим народом». Хлодвиг был очень горд тем, что получил от императора титул консула. Никто не осмелился присвоить себе титул императора¹⁷, до Карла Великого на Западе не было своего императора. Константинополь по-прежнему оставался столицей всего этого конгломерата варварских государств, и именно к Константинополю обращались короли вестготов, остготов и

¹⁴ Продовольствия из императорских хранилищ было недостаточно для снабжения армии. Этот факт еще раз подчеркивает, сколь важную роль играло Средиземное море. Солдаты хотели получить землю для поселения, оставаясь при этом на военной службе империи.

¹⁵ 23 августа 478 г. Одоакр был главой многонационального войска, а не состоявшего из представителей лишь какого-то одного народа или племени. Он стал королем, но не национальным. Он просто пришел к власти «на штыках» (или, точнее, на копьях) своих солдат. Одоакр отослал императорские знаки отличия в Константинополь; он не оставил их себе, так как не претендовал на этот титул, поскольку стал правителем просто по факту.

¹⁶ Хотя их поселили здесь в качестве федератов после смерти Аттилы, в 487 г. они угрожали Константинополю.

¹⁷ Даже Одоакр не осмелился этого сделать, что подтверждает неправильность утверждений Шмидта о том, что Аларих и Валия хотели заменить Римскую империю на Германскую империю. Все влиятельные германцы – Рикимер и др. – назначали императорами именно римлян, хотя те и были их ставленниками и порой марионетками. Одоакр был первым, кто отказался от этой практики и признал власть императора в Константинополе.

вандалов, как к арбитру, который мог разрешить возникшие между ними споры и разногласия. Формально империя продолжала существовать.

3. Германцы в Романии

На самом деле Римская империя мало что потеряла: только полоску земли на севере Галлии, а также Британию, где над романизированным местным населением более или менее начали довлеть англосаксы; многие же британские римляне переселились на континент, в частности на полуостров Бретань. Чтобы понять, какая территория была утрачена на севере¹⁸, надо сравнить старую линию римских пограничных укреплений по Рейну и Дунаю с нынешней границей между германской и латинской группами языков. Здесь «германские позиции» улучшились за счет империи.

Кельн, Майнц, Трир, Рат и Вена сегодня являются городами с германоязычным населением; *пограничные районы* распространения этой языковой группы можно обнаружить на фламандской земле. Конечно же романизированное местное население не вдруг покинуло места своего проживания. И если в таких городах, как Тонгерен, Турне и Аррас, римского населения практически не осталось, то в Кельне и Трире проживало немало христиан – а значит, римлян. Однако те люди, которые остались на насиженных местах, постепенно германизировались. Свод германских законов – Салическая правда – распространялся и на тех *римлян*, которые не покинули родных мест, а из Жития св. Северина мы узнаем о государстве в Норике, носившем «промежуточный» характер между римским и германским. Мы также знаем, что существовал ряд тесно связанных римских общин, которые в течение довольно длительного времени проживали в горных районах Тироля и в Баварии¹⁹.

На этих территориях позднее произошла колонизация и замена одного населения другим; фактически осуществилась германизация. То, что произошло *массовое* оседание западной части германских племен на границе территории своего проживания, явно контрастировало с действиями большей части германцев, которые в ходе миграции достигали гораздо более отдаленных территорий: пришедшие из районов, прилегающих к Днепру, готы осели в Италии и Испании, бургунды совершили путешествие от Эльбы к Рейну, а вандалы – с берегов Тисы в Африку. Германцы же ограничились прибрежными районами вдоль речной границы империи; как раз там, где им и разрешил проживать римский император. Лежит ли объяснение этого в национальных корнях и особенностях? Я так не думаю. Ведь те же относящиеся к германцам франки дошли в III в. до Пиренейских гор на границе Галлии и Испании, а саксы, также являющиеся германцами, вторглись в Англию.

По-моему, все объясняется географией. Оседая на границах империи, германцы не могли представлять угрозы для самых жизненно важных ее районов – Константинополя, Равенны и африканских провинций. Поэтому для римлян было разумно разрешить им постоянное проживание на данной территории – а ведь именно в этом получала отказ восточная часть германских племен, пока вестготам наконец не позволили поселиться в Аквитании. Для того чтобы удержать германцев в определенных границах проживания, император Юлиан предпринял несколько походов против франков и алеманнов; римское население отступало перед варварами, освобождая им территорию для поселений, причем они селились не как наемные войска в соответствии с принципом «трети», а просто постепенно колонизировали захваченную ими территорию и прочно на ней обживались. Этим и объясняется тот факт, что, когда в 406 г. из этого района ушли римские войска, всего нескольких небольших укрепленных пунктов и

¹⁸ По мнению Ф. Лота, речь идет о седьмой части территории Галлии; при этом надо отметить, что в составе утраченной территории не было районов, представлявших какую-либо серьезную ценность и значение.

¹⁹ В исследованиях Ф. Лота приводятся данные об обнаруженных следах проживания римлян в Эльзасе, Швейцарии и Баварии.

крепостиц вдоль римской границы по линиям Бавэ – Куртре – Булонь и Бавэ – Тонгерен оказалось достаточно для того, чтобы германцы оставались в пределах занимаемой ими территории. Они продвигались на юг очень медленно; Турне был занят ими лишь в 446 г. Они не представляли собой армию захватчиков; это был переселяющийся народ, ищущий максимально удобную и плодородную землю для постоянного проживания. Они не смешивались с галло-римским населением, которое постепенно уступало им свою территорию, и этим объясняется, почему германцам удалось сохранить свои древние, воспетые в эпосах традиции и то, что принято называть «германским духом». Они привнесли с собой на вновь занимаемую территорию свой язык и религию, а также дали ряду мест новые географические названия. Германские имена и названия, оканчивающиеся на *-ze(e)le* и *-inghem* произошли от имен и названий первых германских колонистов.

От полностью германизированной территории германцы постепенно продвигались на юг; здесь со временем возникла зона смешанного населения, охватившая Валлонскую Бельгию, Северную Францию и Лотарингию. На этой территории названия многих мест говорят о том, что здесь жили германцы, которые позднее романизировались²⁰. Двигаясь таким образом на юг, германцы достигли берегов Сены²¹.

Но в целом следует отметить, что *массовая* германизация имела место лишь там, где удалось сохранить германский язык. Романия потеряла свое культурное влияние лишь на территориях, относящихся к последним захватам Римской империи и являвшихся защитными бастионами, прикрывающими путь к Средиземноморью. Речь идет о провинциях Германия I и II, Белгика I и II, Реция, Норик и Паннония.

А на остальных территориях культурная целостность Романии сохранилась, да иначе и быть не могло. Римская империя осталась страной римлян, как и Североамериканские Соединенные Штаты – страной англосаксов, несмотря на наплыв эмигрантов самых разных национальностей.

На самом деле осевшие на территории империи варвары составляли лишь незначительную часть от всего римского населения. С научной достоверностью приводить точные цифры не представляется возможным, поскольку нет подтверждающих источников. Каково было население Римской империи?²² 70 млн? Я не думаю, что мы можем согласиться с подсчетами К. Юлиана, утверждающего, что на территории Галлии проживало от 20 до 40 млн человек²³.

Делать точные утверждения в этом вопросе невозможно. Одно можно сказать с определенностью: германцы растворились в массе римского населения.

По мнению Дана, готов, которым император Валент позволил вступить в пределы Римской империи, было миллион человек. Л. Шмидт, ссылаясь на Утропия и на данные битвы при Андрианополе, говорит о 40 тыс. готов, включая 8 тыс. воинов. Их количество действительно могло быть значительно пополнено за счет примкнувших к ним германцев, рабов, наемников и т. д. Как считает Шмидт, когда Валия в 416 г. вступил в Испанию, под его началом было 100 тыс. вестготов.

По мнению Готье, общее количество вандалов и аланов, включая всех мужчин, женщин, детей и рабов, пересекших Гибралтар и вступивших на африканское побережье, должно было составлять 80 тыс. человек. Эту же цифру дает Виктор из Вита. Готье считает, что данную цифру можно считать точной, поскольку нетрудно было посчитать общую вместимость кораблей, пересекших Гибралтарский пролив. Он также высказывает вполне достоверные предпо-

²⁰ Как отмечают М. Блох и Ж. Банеру, эти названия оканчиваются на *-baix*, *-stain (-stein)* и т. д. В Турени, по данным Г. Курта, никаких франкских названий не обнаружено.

²¹ Как отмечает Гамильпег, «земля между Сеной и Луарой являлась территорией распространения франкской культуры; здесь еще не было преобладания какой-либо другой культуры».

²² Согласно Е. Штайну, к концу III в. население Римской империи составляло 50 млн человек.

²³ К. Юлиан считает, что к концу II в. в Галлии проживало 40 млн человек, а в IV в. эта цифра сократилась вдвое.

ложения²⁴ о том, что численность населения римских провинций Африки была такой же, как и численность населения этих территорий сегодня, – 7–8 млн человек; а это означает, что местного населения было в 10 раз больше, чем вторгшихся орд вандалов.

Вряд ли у нас есть основания утверждать, что вестготов в их королевствах, простиравшихся от Луары до Гибралтара (Тулузском и Толедском), было намного больше, чем вандалов; поэтому следует признать, что цифра 100 тыс. человек, приведенная Л. Шмидтом, может быть принята как весьма вероятная.

Что касается бургундов²⁵, то их, похоже, было не больше 25 тыс., включая 5 тыс. воинов.

Согласно Дорену, все население Италии в V в. насчитывало 5–6 млн человек. Однако никаких достоверных данных на этот счет у нас нет. Что же касается численности остготов, то, по оценкам Л. Шмидта, их было 100 тыс., включая 20 тыс. воинов²⁶.

Все это, конечно, лишь предположения. Безусловно, было бы слишком смелым считать, что в западных провинциях империи за пределами линии пограничных укреплений германцы составляли 5 % от всего населения.

Для того чтобы меньшинство могло задать направление развития целому народу, на территории которого оно находится, это меньшинство должно очень сильно стремиться к господству, должно относиться к местному населению с презрением и пренебрежением, считая его лишь инструментом для достижения своих целей, простым объектом эксплуатации. Именно такое отношение демонстрировали норманны в Англии, арабы-магометане везде, куда они вторгались, и даже сами римляне на всех завоеванных ими территориях. Но германцы не хотели ни уничтожать Римскую империю, ни эксплуатировать ее население. У германцев не было презрения к Риму и римлянам; наоборот, они восхищались ими. Германцы не имели над римлянами морального и культурного превосходства. Героический период в истории германцев завершился с их расселением на территории империи. Сохранившиеся памятники героического эпоса, например сказание о нибелунгах, были написаны значительно позднее и уже в самой Германии. В результате практически во всех случаях торжествующие завоеватели предоставляли жителям захваченных провинций тот же юридический статус, какой имели сами. Все дело в том, что германцам практически во всем было чему поучиться у римлян. Как в таком случае они могли не подпасть под римское влияние?

Германцы даже не селились обособленными группами. За исключением вандалов, германцы селились среди римского населения в соответствии с принципом «гостеприимства» – то есть уже упоминавшейся «римской трети». А наделение германцев частью ранее принадлежавшей римлянам земли требовало перенимания и использования приемов и методик ведения сельского хозяйства, которыми владели римляне.

А как насчет смешанных браков и отношений германцев с римлянками? Действительно, до правления вестготского короля Рекареда в VI в. германо-римские браки были запрещены. Но это было юридическим, а не фактическим препятствием. Гражданские браки между германцами и римлянками встречались достаточно часто, а ребенок, как мы знаем, говорит на языке матери²⁷.

Очевидно, что эти германцы стали романизоваться поразительно быстро. Некоторые исследователи утверждают, что вестготы сохранили свой язык; однако они так считают лишь

²⁴ Е. Штайн с ними соглашается.

²⁵ Согласно Л. Шмидту, бургунды в 406 г. были поселены в провинции Германия I; по этому вопросу велась полемика между М. Грегуаром и М. Ганшофом. Племенной король бургундов Гундахар попытался вторгнуться в провинцию Белгика, но в 435–436 гг. был разгромлен римским полководцем Аэцием, который в 443 г. разместил бургундов в качестве римских федератов в области Сабаудия (занимавшей часть территорий Западной Швейцарии и Юго-Восточной Франции к северу от Лиона). Приводимые Фистером и Ганшофом данные о том, что бургундов было 263 700 человек, не имеют под собой никаких оснований.

²⁶ По мнению Л. Гартмана, разделяющего точку зрения Дана, Теодориха сопровождали несколько сотен тысяч остготов.

²⁷ Об исчезновении готского языка в среде вестготов пишет Л. Шмидт, а также Гамильнев.

потому, что им хочется в это верить. Никаких подтверждений этому ими не приводится, и таковые вообще никому не известны. Что же касается остготов, то действительно мы знаем из работ Прокопия Кесарийского, что некоторые воины из армии Тотилы говорили на готском языке, но это были буквально единицы – никак не связанные друг с другом выходцы из северных районов.

Готский язык мог сохраниться лишь в том случае, если бы готы обладали культурой, сравнимой с англосаксонской. Но они такой культурой не обладали. У Ульфила не было преемника. Не сохранилось ни одного текста или документа на германском языке. Если церковные службы и велись на германском языке, то никаких следов этого не сохранилось. Франки до начала правления Меровингов были, вероятно, единственными, кто составлял проекты законов, вошедшие в Салическую правду, на народной (то есть просторечной) латыни с вкраплением франкских слов и выражений. Некоторые сборники законов и их толкований, написанные таким языком, дошли до нас. Но Эйр их, являющийся автором первого свода германских законов, все свои тексты, которыми мы сегодня располагаем, писал на латыни, и все последующие германские короли следовали его примеру.

Что касается традиционного национального декоративного искусства, то никаких его следов у готов после принятия ими католицизма в 589 г. не обнаружено. По мнению Г. Цейса, изучавшего этот вопрос, оно существовало только среди простого народа.

Какое-то время установлению более тесных контактов между германцами и римлянами препятствовала приверженность германцев арианству (римляне исповедовали христианство в форме католицизма). Однако не следует преувеличивать значение этого фактора. Единственными правителями варваров, официально провозгласившими арианство, были короли вандалов, да и те пошли на это по причинам военного характера. Король бургундов Гундобад, как считают, был католиком; в 516 г. официально принял католицизм его сын Сигизмунд. Однако арианство все еще было распространено, в том числе среди бургундов, в 524 г. Начало франкских завоеваний стало временем торжества католицизма. Но следует отметить, что арианство никогда не пользовалось особым влиянием, в том числе и среди бургундов. Вандалы отказались от арианства, когда их подчинил император Юстиниан в 533 г.; а у вестготов оно было упразднено их королем Рекаредом, правившим с 586 по 601 г.²⁸

По мнению Дана, готский язык, вероятно, исчез именно при Рекареде, когда было принято католицизм; а если он и сохранился, то только среди бедных слоев населения.

Поэтому трудно определить, каким образом германский элемент мог утвердиться на завоеванной территории, а тем более стать преобладающим. Чтобы это произошло, требовался постоянный приток «свежей германской крови» из исконных германских земель. Но ни вандалы, ни вестготы не сохранили связей и контактов с землями, откуда они пришли, и «нового пополнения» из Германии (как мы называем территорию их предыдущего проживания) не получили. Возможно, какой-то контакт с германцами поддерживали остготы – через перевалы Альп. А что касается завоеванной франками Галлии, то после этих завоеваний никаких вновь прибывших германцев на этой территории больше не было, о чем наглядно свидетельствуют работы Григория Турского.

Есть и другой неопровержимый аргумент. Если бы готский язык сохранился, то хоть какие-то его следы были бы обнаружены в группе латинских языков. Однако, за исключением отдельных заимствованных слов, мы не видим ничего подобного. Ни в устной, ни в письменной речи никакого германского влияния на эти языки не обнаружено²⁹.

²⁸ Рекаред принял католицизм в 589 г.

²⁹ Некоторые заимствованные слова встречаются лишь во французском языке, что говорит о контакте местного населения с германцами в IV в. Однако ничего подобного не обнаружено ни в Аквитании, ни в Испании (где находились вестготы), ни в Африке (где обосновались вандалы), ни в Италии (где находились остготы). Во французском же языке имеется, как считают, не более 300 германских слов.

То же самое можно сказать и о типе внешности. Где вы встретите в Африке кого-нибудь, напоминающего внешностью вандалов³⁰, или в Италии – вестготов? Действительно, в Африке есть светловолосые люди, но, как справедливо отмечает Готье, они встречались там и до нашествия варваров. Можно, конечно, сказать – и это будет чистой правдой, – что германское обычное право (представлявшее собой совокупность неписаных правил поведения, санкционированных властью; часть этих древних обычаев позднее вошли в писаное право) сохранилось и что для германцев действовали германские законы (те обычаи, которые стали выполнять функции правовой нормы), а для римлян – римские. Но уже во времена Эйриха германские законы несли на себе очевидную печать влияния римского права, а после Эйриха это влияние стало еще более явным и несомненным.

У остготов не было своих собственных законов; они жили по римскому праву и подчинялись римским законам, действовавшим на территории Римской империи. Но войны были подсудны только военным трибуналам, которые действовали исключительно на основании готских обычаев и традиций. Очень важно помнить об этом. Германцы были воинами и исповедовали арианство; поэтому, очевидно, германские короли поддерживали арианство, чтобы германцы оставались воинами и ими, соответственно, было легче управлять и держать их в подчинении.

У бургундов и вандалов преобладание римских законов над германскими ощущалось столь же явственно, как и у вестготов³¹.

В этой связи позволительно спросить: а как можно рассчитывать на сохранение чисто германского характера законов, если германский *род*, основанный на кровном родстве, являвшийся прежде важнейшей ячейкой всей юридической системы, к этому времени исчез?

Существовала насущная необходимость в законах, регулирующих вопросы личной собственности, подобно законам, касающимся *брака*. Германские законы сохранились лишь на территориях, колонизованных англосаксами, салическими (приморскими, от *кельт. sal* – море) и рипуарскими (береговыми, от *лат. gīra* – берег) франками, алеманнами и баварами³².

Мнение о том, что после правления Хлодвиг Галлия жила по законам Салической правды, является весьма ошибочным. За пределами Бельгии не было тех, кто жил по этим законам, за исключением нескольких крупных, влиятельных землевладельцев из окружения короля. У Григория Турского абсолютно ничего не говорится ни о законах Салической правды, ни о процедуре их применения. Мы неизбежно приходим к заключению, что эти законы действовали лишь на самом севере Галлии.

К югу от Сены мы нигде не встречаем ни германской системы управления, ни характерных для нее должностных лиц. Более того, такой сборник законов и их толкований, как Мальбергская глосса, ясно демонстрирует, что вся процедура их применения ведется на германском языке. А кто из административных должностных лиц мог понять германский, если практически все они были римлянами? Все, что в этих законах говорится о землепользовании и ведении домашнего хозяйства, применимо только к северным районам Галлии, колонизованным германцами. Только ослепленный предвзятым мнением может утверждать, что такие совершенно изжившие себя и являющиеся наследием нецивилизованного прошлого законы, как те, что содержатся в Салической правде, могли применяться на территориях, расположенных к югу от Луары.

³⁰ В Испании вы также нигде не встретите людей с германским типом внешности.

³¹ Х. Брюннер подчеркивает, что, хотя между постоянным поселением бургундов в Галлии и выходом первоначального варианта Бургундской правды (свода законов, составленного во время правления Гундобада) прошло ни много ни мало 50 лет, этот свод законов несет на себе «явный отпечаток и безусловное влияние римской культуры», причем в нем отсутствует то «живое германское своеобразие», которое позднее обнаружилось в своде законов у лангобардов.

³² Похоже, Ф. Лот делает совершенно ошибочные оценки относительно состава населения Галлии в эпоху правления Меровингов. Более того, он противоречит сам себе, когда пишет: «Хотя с этнической точки зрения в (современной) Франции присутствуют германские элементы, они появились еще до завоевания Галлии Хлодвигом».

Можем ли мы сказать, что германцы привнесли с собой мораль и взгляды молодого народа, основанные на том, что личная верность друг другу стоит выше подчинения государству? Это вполне допустимая и в чем-то даже удобная точка зрения. В то же время следует подчеркнуть, что некоторые немецкие историки восприняли ее весьма преувеличенно и превратили в догму. Они охотно и много цитируют Сальвиана, указывавшего на контраст между моральным разложением римлян и добродетелями варваров. Но эти добродетели быстро исчезли после того, как германцы поселились среди римлян. «Мир стареет», – читаем мы в хронике событий начала VII в., составленной Псевдо-Фредегаром (имя одного или нескольких авторов анонимной франкской хроники, составленной в середине VII в.; а описание событий 584–642 гг. – единственный для этого периода литературный источник по истории Бургундии, Австразии и других районов Франкского королевства). Читая Григория Турского, буквально на каждой странице встречаешь факты полного морального разложения германцев; весь их уклад жизни снизу доверху был пропитан пьянством, буйством и дебоширством, алчностью и жадностью, супружеской неверностью и развратом, отвратительной жестокостью, изменой и вероломством. На суд германских королей выносилось столько же преступлений, сколько и на императорский суд в Равенне. Как отмечает Гартман, все разговоры о «германской верности и преданности» представляют собой досужие вымыслы и небылицы, хотя и используются в качестве удобной сказки. Теодорих приказал убить Одоакра после того, как клятвенно обещал сохранить ему жизнь. Гонтран умолял своих соплеменников не убивать его. А все короли вестготов, за редким исключением, приняли смерть от ножа наемного убийцы.

У бургундов в 500 г. Годегизель предал своего брата Гундобада, чем воспользовался Хлодвиг. Сын Хлодвига Хлодомер приказал бросить в колодец своего пленника, короля бургундов Сигизмунда. Король вестготов Теодорих I предал римлян. А как отнесся Гейзерих к дочери вестготского короля, являвшейся его невесткой?

Суд при правлении Меровингов представлял собой настоящий притон; Фредегонд был наводящим на всех страх хамом и грубияном. Теодагат приказал убить собственную жену. Мужчины бездельничали и прозябали в праздности в ожидании новых военных походов, и совершенно невиданное падение нравов было повсеместным. Упомянутая история с Гундобадом является весьма характерной и типичной для нравов того времени. Мужчины были постоянно пьяны – это было их нормальным состоянием. Женщины подбивали любовников убивать мужей. Все продавалось за золото, причем «национальных преград» здесь не было: римляне по этой части были ничуть не лучше германцев. Продажность и мздоимство были распространены и среди духовенства, причем даже монахов, хотя именно в этой среде должны были бы сохраняться моральные устои. Что же касается простого народа, то он не отличался набожностью – практически все были грубыми язычниками. Отчасти, правда, сократились городские пороки, кое-где исчезли куртизанки, хотя и не везде. Их по-прежнему можно было встретить у вестготов, а особенно в королевстве вандалов в Африке, хотя именно вандалы сохранили больше германских черт, чем любые другие германские племена, находившиеся в южной части Римской империи. Они были изнеженными, жили в роскошных виллах и почти все время проводили в бассейнах и купальнях.

Можно сделать вывод, что после поселения на территории Римской империи все героические и яркие черты германцев, составлявшие их национальное своеобразие, исчезли под влиянием римской действительности. Вся жизненная свежесть германцев была «высосана» почвой Романии и «ушла в песок». А как могло быть иначе, если сами вожди германцев подавали подобный пример? Сначала, конечно, они не были полностью романизированы; Эйрих и Гейзерих лишь немного знали латынь. Но что мы видим на примере самого выдающегося короля германцев Теодориха? По ту сторону Альп (с германской стороны) его называли Дитрихом Бернским, но в душе он был поклонником Византии, и ее влияние было преобладающим в нем.

Когда Теодориху было 7 лет, отец направил его в качестве заложника в Константинополь, где он рос и воспитывался до 18 лет. Император Зенон назначил его высшим военачальником и присвоил ему статус патриция, а в 474 г. пошел даже на то, что усыновил его. Теодорих женился на дочери императора³³.

В 484 г. римский император назначил его консулом. Затем, по окончании кампании в Малой Азии, в честь Теодориха в Константинополе была воздвигнута статуя. Его сестра была фрейлиной у императрицы.

В 536 г. зять Теодориха Эвермод «вовремя» сдался римскому полководцу Велизария, предпочтя быть патрицием в Константинополе, нежели воевать против римлян за общее дело вместе со своими соплеменниками. Его дочь Амаласунта полностью романизировалась. А его зять Теодагат с гордостью говорил о том, что является последователем знаменитого греческого философа Платона.

И даже если взять бургундов, то каким ярким типом национального правителя является их король Гундобад (правивший с 480 по 516 г.), который в 472 г., после смерти Рикимера, занял его место в ранге патриция при римском императоре Олибрии, после смерти последнего возвел на императорский престол Глицерия, а в 480 г. сам сменил своего брата Хильпериха в качестве короля бургундов!

Как отмечает Л. Шмидт, Гундобад был высококультурным человеком, обладал красноречием и большими знаниями, интересовался вопросами теологии и был в постоянном контакте со св. Авитом.

То же можно сказать и о королях вандалов, как, впрочем, и вестготов. Сидоний Аполлинарий очень высоко оценивает уровень культуры Теодориха II. Среди его приближенных он упоминает помощника Теодориха Льва, который был историком, юристом и поэтом, а также Лампридия, преподавателя риторики и поэта. Именно Теодорих II сделал римским императором Авита в 455 г. Упомянутые короли совершенно порвали с древними традициями своих народов; восстанавливать их пришлось уже Карлу Великому.

У франков известным придворным поэтом был Хильперих.

Со временем процесс романизации германцев становился все более интенсивным. Как отмечает Готье, после смерти Гейзериха вандалские короли вернулись «на орбиту» Римской империи. Успешно шла романизация и среди вестготов; к концу VI в. арианство среди них исчезло почти повсеместно.

Опять же следует отметить, что характерные национальные черты германцев сохранились лишь на севере империи, как и их приверженность язычеству, которое просуществовало до VII в. Когда войска франков вступили в Италию, чтобы помочь остготам, франки демонстративно открыли презрение к последним, и те, видимо, пожалели, что заключили союз с франками, а не с Византией.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что Романия, несмотря на некоторые территориальные потери на севере, сохранилась как единое целое³⁴.

Конечно, многое внутри империи изменилось к худшему. Регресс и упадок наблюдались в каждой области жизни, в искусстве, литературе и науке. «Виден упадок... во всей деятельности свободных людей, во всей культуре с самых ее азов», – справедливо замечает Григорий Турский. Романия сохранилась и продолжала существовать «по инерции». Заменить ее было нечем, да никто и не предлагал подобной замены. Ни церковь, ни миряне не считали, что возможна какая-то другая форма цивилизации. Среди общего упадка и деградации только церковь сумела остаться оплотом морали и духовной силы, а для церкви империя продолжала суще-

³³ Об этом он писал королю тюрингов, к которому направил свою племянницу.

³⁴ От германцев не было заимствовано ничего, кроме некоторых имен; но это не имело никакого отношения к культурному влиянию и национальным особенностям, а было просто сделано, чтобы польстить германцам.

ствовать. Григорий Великий (бывший с 579 по 585 г. папским наместником при византийском дворе, а с 590 г. – папой) писал византийскому императору, что тот управляет свободными людьми, а варвары – рабами. Церковь могла, конечно, в чем-то не соглашаться с императорами Византии, но в целом она оставалась им верна. Разве не Отцы Церкви говорили императорам, что Римская империя существует по воле Божьей и что ее существование необходимо для сохранения христианства? Разве церковь не выстроила свою организационно-иерархическую структуру по подобию римской? Разве она не использовала для служб, писаний и проповедей латынь – язык империи? Разве она не осталась хранителем законов и культуры империи? И разве все высшие посты в церковной иерархии не заняли представители древних сенаторских семей?

4. Германские государства на территории Западной Римской империи

То, что германские родовые и племенные институты не могли сохраниться на почве Римской империи, когда германцы поселились среди римского населения, является очевидным фактом³⁵.

Родовые традиции и институты могли сохраниться лишь в небольших королевствах, населенных преимущественно германцами, как это было у англосаксов.

Конечно же германские короли, ставшие во главе королевств, которые образовались на территории империи, воспринимались своими соплеменниками как национальные правители, *цари своих соплеменников*, как называл их Григорий Великий. Себя они именовали, в зависимости от национальной принадлежности и того, кем правили, *повелителями готов, вандалов, бургундов, франков*. Но для римлян они были всего лишь римскими военачальниками, которым доверено руководить гражданским населением. К римлянам они обращались именно как римские военачальники³⁶; и они гордились римскими титулами; достаточно вспомнить, какой торжественной церемонией с целой кавалькадой сопровождавшей его свиты отметил Хлодвиг присвоение ему титула почетного римского консула. При Теодорихе все было скромнее: он был римским вице-королем и издавал не законы, а указы.

Готы занимали командные посты только в армии; там же только продолжали действовать готские правила и традиции. Все гражданские должности занимали римляне, и вся римская система управления была в максимальной степени сохранена. По-прежнему существовал сенат. Однако вся власть была сконцентрирована в руках короля и его окружения; королевский двор располагался в освященном месте – во дворце. Теодорих для обозначения своего положения правителя использовал то же латинское слово «реке» (*rex*), что и римские императоры, как бы желая этим скрыть свое неримское происхождение. Его резиденция находилась там же, где и резиденция римской императрицы, – в Равенне. Административное деление провинций и система управления остались теми же; по-прежнему функционировали *окружные военачальники, гражданские управляющие округами* (ими традиционно были римляне из сословия всадников) и *наместники* (обычно в ранге проконсула). В городах сохранились институты управления с их *куриалами*

³⁵ Нет никаких оснований говорить о какой-то особой политике германских королей на занятых территориях на основе традиционных германских родовых институтов и их настороженного и «консервативного» отношения к институтам Римской империи.

³⁶ Некоторые авторы тщетно пытаются доказать, что они оставались именно германскими военачальниками; в частности, в качестве аргумента приводится забавная история о том, что они, в германских традициях, пользовались повозкой, запряженной волами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.